

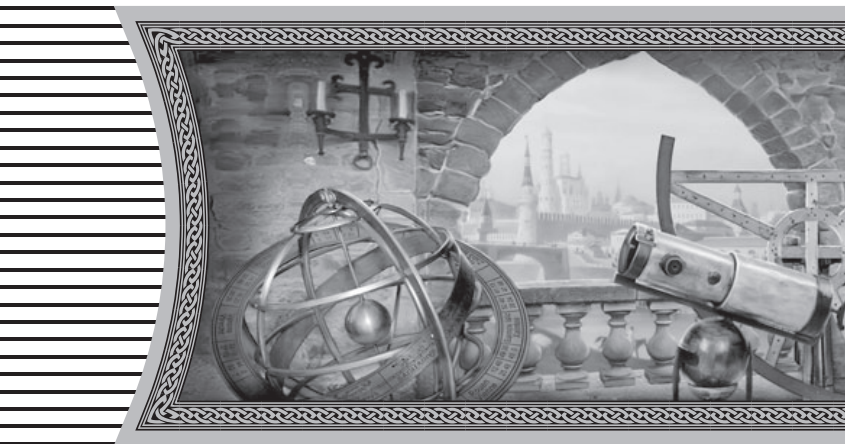
фантастическая
история

Книги Марика Лернера
в серии «Фантастическая История»

МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ
МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ. ВОСТОК

СОВСЕМ НЕ ПРОГРЕССОР

ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА

МОСКВА, 2015

фантастическая
история

Марик Лернер
Цель
неизвестна

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л49

Серия основана в 2010 году
Выпуск 108

Лернер М.

Л49 Цель неизвестна: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 311 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2084-1

Удобно «попадать» в царя. Заранее известно: все дружно подчинятся любому указам. Не менее приятно «попадать» сразу компанией, да с атомным крейсером, и заниматься избиением парусных корыт, устанавливая навеки гегемонию. Еще неплохо угодить в июнь 1941-го с навыками диверсанта и точными сведениями о всех датах и вооружении. Правда, совмещение головы-компьютера и спецназовца дело достаточно необычное, но чего не случается.

А вот что делать вчерашнему школьнику, не имеющему представления об истории прошлых веков, кроме как из современных сериалов, и не способному одной левой семерых побить, одновременно небрежно вытачивая на станке АКМ... в восемнадцатом веке? Как — что? Становиться великим ученым! Иные идеи много нужнее и страшнее автомата. А современный школьник много чего знает. Хотя ничего и не умеет. Справится? Вот и проверим!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Марик Лернер, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2084-1

Часть первая

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

Глава 1

СПАСЕНИЕ

Воздух в легких отсутствовал полностью, и я невольно рванулся вверх, туда, где сквозь воду просвечивало солнце. Мыслей в голове не имелось, только откуда-то из нутра билось одно и то же: «Жить!» На руке висела непонятная тяжесть, тянущая вниз и ужасно мешающая. Хотелось избавиться от нее, и, вынырнув на поверхность, даже не прокашлявшись толком, потянул руку вверх.

Ничего удивительного, что всплыть мешало нечто. Оказывается, я держал за шкурку мальчишку. Вцепился в воротник и не ощущал пальцев. Судя по обмякшему виду и попытке нырнуть носом вниз, он ничего не соображал и вряд ли находился в сознании. Диким усилием, растягивая мышцы и буквально слыша треск, вытолкнул его на край льда. Не столько спасая, сколько пытаюсь избавиться от лишнего, убивающего меня веса. Кинул на добрый метр в сторону от себя, так что парнишка хряпнулся на совесть и взвыл в голос. Видать, очухался от боли.

А вот мне от столь резкого движения изрядно поплохело. Окунулся вновь, и достаточно глубоко, а вылез уже в стороне, прямо под мутным льдом. Хорошо еще там оказалось нечто вроде прослойки наверху между тяжелой смерзшейся плитой и водой. Немного воздуха попало в легкие, и смог с облегчением вдохнуть. Осторожно пополз в сторону пролома, отталкиваясь руками и не пытаюсь пробить башкой лед снизу. Может, так было бы лучше и удобнее, чем мои судорожные дерганья, но уже не только мысли еле ворочались, еще и тело стало слушаться не очень охотно.

Все же я не собирался помирать и продолжал бороться. Попытался сам выбраться, ложась грудью на край полыньи, и с

ужасом почувствовал, насколько лед хрупкий. В мгновение он раскололся, и я опять нырнул с головой, в очередной раз хлебнув воды и впадая в панику.

— Держись! — орали на краю сознания какие-то голоса. — Хватай!

К мертвой хватке, с которой я вцепился в жердь, это предложение отношения не имело. Кинули бы топор — я бы и за него ухватился. Мозги после ледяной воды вырубались окончательно, и сработал обычный рефлекс. Меня тянули наверх, и я судорожно помогал спасателям, отталкиваясь ногами, иногда отнюдь не улучшая положения, а вновь обламывая лед и скользя назад. И все же медленно, но упорно мы совместными усилиями закончили спасательную операцию.

Очутившись вне полыньи, я очень шустро пополз как можно дальше от воды, не пытаясь подняться и извиваясь позмеиному. Мокрый и на морозе, я с перепугу даже не чувствовал холода, пока не взялся рукой за голову и не обнаружил там сосульку. Тут меня ощутимо затрясло, так что зуб на зуб не попадал, и челюсти застучали вполне отчетливо.

— Спасибо, — попытался сказать, обращаясь к своему спасителю.

Совсем молодой парень. Роба у него вполне русская, а одет почему-то в то, что в моем понимании называется кухлянкой. Я с народами Севера сроду не общался, разве в кино видал. Они точно все с узкими глазами, но одеты точь-в-точь. Оленьи расшитые шкуры, да еще и с капюшоном.

— Идем, — сказал парень, поднимаясь. — Здесь уже лед хороший.

Мне очень не хотелось проверять на себе крепость повторно, и он, видимо, это понял.

— Молодца, — сказал одобрительно, протягивая руку, так что не оставалось ничего другого, как послушно подняться. Ага, с запозданием дошло. Мы на реке. Рыбу, что ль, ловили? — Не спужался и за Мосеем прыгнул. Спас дурня.

Это, видимо, про мной спасенного. Ничего не помню. Никаких Моисеев рядом не стояло. И как я вообще сюда попал?

— Кто же так на лед лезет, не проверив? — Он был искренне возмущен и без раздумий пнул ногой в зад ковыляющего

впереди мальчишку. Тот даже не возмутился, только прибавил шагу. Ему тоже было не очень сладко, еле двигался и беспрерывно всхлипывал. — Не схватило по-настоящему. Ты, паршивец, теперь Михайле по гроб жизни обязан.

От берега в нашу сторону махали руками какие-то незнакомые люди. Опять же в чукотских одеждах, но вполне блондинки и блондины с рязанскими мордами. Мужики еще и бородастые. Один из них сорвался с места и, подскочив к бредущему мальчишке, приложил ему кулаком так, что тот скрючился. Я невольно шагнул в сторону, готовый отразить нападение, но он уже схватил несчастного Моисея и поволок его на манер волка, укравшего овцу.

На самом деле я, конечно, ничего такого не видел. Не овец — те попадались в горах Швейцарии изредка, очень живописно выпасаемые для туристов. Я про волков. Этих исключительно в передачах про животных наблюдал. Но вот ведь откуда-то выскочило сравнение. Ну говорят же «как чертик из табакерки», хотя никто уже лет сто нюхательного табака не употребляет и идиотской игрушки не выпускают. В смысле чертика на пружинке.

Ну это во мне есть, не отнимешь, вопреки всей моей длительной жизни за границей. Бабушка, пусть ей будет на том свете у Бога хорошо, вбила в меня навечно старую литературу. В основном детские стихи со сказками, но и помимо них тоже. Всякие Сетон-Томпсоны, Том Сойер, Мюнхгаузен и многое другое, включая Юлию Друнину и Киплинга. Не уверен, что они подходили для моего возраста тогда, но, похоже, она знала, чего добивалась. Заняла место няни с раннего детства и так никому и не отдала до внезапного инфаркта. Муттер до ребенка особого дела не было, она предпочитала себя холить и лелеять. Позднее я после некоторого размышления решил, что она и замуж вышла по залету. Причем сознательному. Сроки так ложились. Вычислить дату от свадьбы — не проблема. С удовольствием скинула заботы обо мне на бабушку и успокоилась. И спасибо муттер. Могло оказаться много хуже, доверь она дитяtko современным воспитателям.

Бабушка прекрасно заменила мать, няню, гувернантку и еще кучу народу. Старая, советского воспитания интеллигент-

ка, люто ненавидящая моего папашу, большого деловара и не умеющего ни о чем, помимо денег, говорить. Когда-то она имела профессию педагога и, видимо, им оказалась в реальности, а не по диплому. Во всяком случае, отвращения к классике с ее подачи я не испытываю. А очень многое до сих пор помню. Что в детстве учил, сохраняется железно, в отличие от более поздних времен.

Конечно, в школе уже не то, уровень училок пожиже, и не увлекли. Да и разные Достоевские у меня ассоциировались исключительно с нудностью, но детскую литературу я усвоил в огромном объеме. И стихи, в отличие от прозы, с удовольствием почитывал и позже, даже за границей. Выборочно, конечно, заумных не уважаю, но все же продолжал читать на русском. С четырнадцати лет живя за бугром, не всякий про себя такое скажет.

Не умри бабушка — я бы не очутился в Швейцарии, а остался с ней. Тогда и жизнь сложилась бы иначе. А так муттер моя, поймав папашу на очередной девке из миссок чего-то там, потребовала развода, девичьей фамилии и большого счета со многими нулями. Куча всего на нее была записана, да и по закону положено. Он оказался не зверь — не стал закатывать в бетон или топить в ближайшем водоеме, хотя и мог без проблем, я точно знаю. Давненько, еще в младом возрасте, случайно услышал разговор, не предназначенный для детских ушей. Тогда даже загордился, насколько мой предок крут.

Ну не суть важно. Дербанить свою банковско-торговую империю папаша не стал, зато устроил нам обеспеченную жизнь. Если кто не понимает, что это значит, я лучше объяснить не стану. Яхты и унитазаы из золота — вещь понтовая и никому особо не нужная. А важно получить то, чего ты хочешь в данный конкретный момент. Не высчитывая, что там на карточке или размер зарплаты. Это несколько другой уровень. Когда пыль в глаза не пускают и вообще мало кто в курсе, насколько у тебя много имеется.

Мне, правда, повезло не особо. Муттер свалила за границу, подальше от супруга, и для начала запаяла меня в интернат. Из самых якобы лучших побуждений, для моего же блага. Ах, здесь замечательное образование, иностранные языки и ди-

плом частной школы котируется где угодно. Хочешь в — Плющевую Лигу¹ поступай потом. А можно в Оксфорд.

Сдались мне эти университеты. Мне и без них было в высшей степени замечательно. Языки я, правда, выучил. Куда деваться. Английский еще в России с преподавателями долго и старательно сознательно мучил (нынче без него никуда), а в Швейцарии невольно набрался немецкого с французским.

Между прочим, есть два основных способа изучения иностранной речи. Первый — закинуть в среду, где на твоём языке не говорят в принципе. Второй — в постели с девушкой. Я без особого удовольствия первоначально познакомился с первым, затем уже с энтузиазмом добавил и второго.

В интернате у всех родители оказались не нищими. Точнее, очень даже не бедными. И практически у каждого ученика были проблемы. С родителями, полицией, наркотиками. Не знаю, в курсе ли была муттер подобных тонкостей, отправляя меня на обучение в столь престижное и закрытое заведение. Может, просто ей попала на глаза реклама, хотя это я, конечно, загнул. Такие места себя не рекламируют и чужаков без рекомендации не принимают.

Наверное, папаша подкузьмил, подбросив идейку. В его понимании характер человека закаляется в трудностях. Сугубо мужской коллектив всегда действует не хуже пресса, выявляя худших и лучших. И не обязательно побеждают правильные. Я вписался, оставшись посередине. Не садист, издевающийся над младшими, но и не вечный отличник. Не технарь, но и не ботаник. Всего понемножку. А попутно набрался самого разного. От умения вскрывать замки до кой-чего совсем небезобидного.

Помимо жесткого режима, практически как в тюрьме, мне еще пытались вколачивать в башку разные выгодные для взрослых мысли. Про уважение к другим, правильное поведение и прочее. А фактически мы обменивались опытом и умениями. Я ведь не зря про наркотики и девушек. Мы ходили в самоволки и много чего творили. Да и все же не было десяти

¹ Лига Плюща — ассоциация из восьми частных американских университетов, действующих под общей эмблемой с изображением плюща.

лет без права переписки. Всего четыре, и в увольнение тоже отпускали. Веди себя правильно, не раздражай начальство — и будешь в шоколаде. Швейцарском.

А девушки... Уж если есть башли, можно выглядеть сморчком и не иметь рельефной мускулатуры: почему-то они тебя все равно обожают. Надо только правильно подойти, а не предлагать с ходу купюры. Проститутки — это низкий класс. Да и противно. Кто его знает, сколько в ней до тебя побывало. Дорогие в этом смысле ничем не отличаются. Одним миром мазаны.

Я споткнулся о первый же камень на берегу и очень неудачно грохнулся вперед. Хотелось полежать и поспать. Все же сил совсем нет. Уже и мороза не чувствую. Тут меня вздернули на ноги, причем в две пары рук, и практически поволокли в неизвестном направлении. Я только медленно перебирал ногами, пытаюсь не волочиться за моими доброжелателями.

— Куда? — вяло спросил.

— Домой, — бодро ответил мужской голос. — Рядышком. Василий-то в избе?

— Кто? — удивляюсь.

— Совсем плох, — произнес озабоченно. — Давай быстрее.

— Все хорошо будет. Человека спас, на себя опасность взял, да и сам выплыл, водяному не дался. На роду, видать, удача.

В том же темпе меня проволокли к одной из изб, подняли по ступенькам и чуть не головой отворили дверь. Заполошно вскрикнула женщина. Что-то бурчал мужчина.

— К печке его, а то околеет.

— Раздевайся!

— Теперь уж не околею, — блаженно бормочу, освобождаясь от затвердевших на холоде одежек и швыряя их прямо на пол. И вовсе не русские армяк или тулуп, всплыло откуда-то в уме. И не кухлянка. Не так называется. Совик и малица.

От огромной печки, занимающей добрую треть помещения, идет приятное тепло, и я поспешно лезу вверх. Вслед летят какие-то вонючие тряпки, наверное укрыться, но запах — ерунда. Главное, я теперь точно не сдохну, превратившись в статую. Как того генерала звали, совсем мозги не работают. Я же точно знал.

Даже не заметил, как, пригревшись, заснул. Очнулся, когда меня кто-то толкнул.

— Михайло, — позвал кто-то просительно. — Михайло Васильич!

— Чаво, тятя? — спрашиваю спросонья и шаря рукой возле себя в поисках очков. Нету. Машинально проверил, не сидят ли на носу, мог с усталости все на свете забыть, и чуть не вышиб себе глаз. Координация никакая. Сейчас я теста полицаю на дороге не сдал бы — верняк.

— Ты как? — требует вновь.

Я повернулся и уставился на очередную бородатую рожу. И тут меня пробило, аж в пот бросило, будто в баню угодил. Какой такой тятя? Я что, папаши своего не знаю? И слов таких не употребляю. Ну да, я Михаил, но Николаевич и никаких Вась не знаю и знать не желаю. Ну ладно, говорят окая и цокая да одежда странная. Но чтобы в доме не было электричества? Да и сами дома без малейших признаков антенн и машин. Какой-то частью сознания я все это уловил, но, двигаясь из последних сил, не обратил первоначально внимания.

«Что происходит?» — в откровенной панике подумал, валясь на пол с печки. Мужик едва успел отскочить, избегая столкновения, но вполне дружески поддержал.

Какая деревня, какие мужики и рыбалка на льду? Я вчера был в Лозанне, у муттер на вилле, совершенно точно помню. Не мог же я там нажраться до такой степени, что ничего не помню? Ни дороги, ни перелета. Никогда такого не было. Ну пробивало меня на хи-хи и движуху после кокаина, но это же когда было, и потом я не обнаруживал себя неизвестно где.

Господибожемой, глядя тупым взором на собственные руки и голое тело, как лежал, так и соскочил, изумился. Допустим, я одурел вконец, но чтобы не помнить, что у меня грабки совсем другого размера, да и остальное не вполне такое... Грудь широкая, плечи налитые, мышцы выпирают, будто с детства мешки таскал, волосами светлыми зарос, не родными. Что я, своего колера не знаю? И рост... Я вроде выше стал. Не удивительно, что спотыкаюсь все время. Мозги команду дают, а конечности не соответствуют.

Я услышал скулеж и с запозданием понял, что издаю его сам. Тупо осмотрелся по сторонам, обнаружив помимо уже

знакомого мужика открывшего рот мальчишку лет семи-восьми и жадно глядящую в сторону моих голых ног дебелую рябую бабу. Это, видимо, мамаша, решил после мучительного раздумья и шагнул к ней. Та радостно взвизгнула и попыталась отскочить. Не, ну правда, с ее габаритами не от меня шараться. Как раз из категории про скакуна и горящую избу. Даст немалым кулаком между глаз — и с копыт.

— Зеркало! — умоляюще прохрипел.

За ним неожиданно метнулся мужик. Не баба. Та по-прежнему изображала смущенный взгляд в пол, внимательно изучая мои причиндалы. Чем бы это ни закончилось, разговоров у нее с соседками хватит надолго.

Бородач приволок маленькое квадратное зеркальце в рамке и сунул мне.

— Ты бы ему лучше прикрыться дал, Василий Дорофеевич, — сказала баба с осязательным ехидством.

— Да, да, — растерянно пробормотал он.

— Спасибо, — сказал я, принимая, и уставился на отражение.

Конечно же это был не я. Как и ожидалось. Такой симпатичный мордатый парниша. Кровь с молоком. Ничуть не похожий внешне. Но он, тот не я, был — тело. А в голове — мои мысли. Мне опять ощутимо поплохело.

— Отлежать надо, сынок, — подхватывая меня, озабоченно промолвил Василий Дорофеевич. — Как бы горячка не хватила.

— Да, тятя, — ответил мой язык без помощи разума. — Я посплю, ладно? — Это уже лично от меня.

— Да, да. Утро вечера мудренее. Отдохни, сынок.

А заботливый у меня тятя, подумалось на печке, куда без труда, даже излишне резво поднялся. Силу я опять не рассчитал и, вскинувшись, приложился коленкой, невольно зашипев. Все же наследник, опять прорвалось непрошеное. Надеется хозяйство передать.

Господибожемой, в ужасе от очередного заскока, мелькнуло в мозгах. Что со мной происходит? Я спятил или у меня такие яркие глюки? На черта мне этот тятя с его наследством, и, самое главное, куда я угодил? Не хочу! Я согласен к муттер, к папаше и даже в Оксфорд. Нет, в любое место по выбору пред-

ков, только подальше отсюда! Немедленно! «Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое...» — и так до самого конца без передышки. Верни меня обратно! Ай, откуда я молитву знаю?!

Глава 2 ПОИСК РЕШЕНИЯ

Утром я вскочил еще до рассвета. Как ни удивительно, достаточно быстро заснул. Видимо, от нервов и отсутствия сил провалился абсолютно спокойно, без ярких снов, отвратительных кошмаров и прочих глупостей. Где-то в глубине души теплилась надежда утром открыть глаза и обнаружить себя на хорошо знакомой вилле. Так что разочарование оказалось нешуточным. Другой, наверное, взвыл бы от всего этого и принялся биться головой о стенку. Мне оказалось не до этого.

В отличие от киношного Штирлица, я не научился просыпаться ровно в назначенный час. И сплю не особо чутко. Зато когда утром организм настойчиво призывает бежать в заведение под названием «сортир», всегда слушаюсь. Был у нас в интернате один то ли всерьез больной, то ли чересчур крепко спавший. Уж издевались над ним, лучше и не вспоминать. Дети вообще существа жестокие и не любят выделяющихся. Ни в ту, ни в другую сторону. Не прибьют, так до петли запросто доведут.

Короче, я привычно среагировал на позыв, временно задавив разочарование. Будить кого-то и задавать напрашивающийся вопрос как-то меньше всего тянуло. Что я, дырку с доской в сарайчике из досок не найду? В детстве видел такие в Крыму. Как-то не верится про наличие отхожего места в виде двух палок. Одна втыкается, чтобы ветром не унесло, а второй отгоняют волков. Все же люди живут, не станут же они гадить где попало. Хотя... ни в одном знакомом мне европейском языке нет понятия «сходить до ветру». С просторами у них не очень.

А лезть и будить с недоумением по поводу отлить — стремно. Я же вроде тутошний и не знать подобных вещей не могу. Хорошо если спишут на болезнь, а то ведь задумаются на мою

тему всерьез. Поведение, привычки — это все скоро и без того бросится в глаза. Не захотят заметить, непременно. А это очень опасно. Недолго ведь и в одержимые бесом угодить.

А что? Я, похоже, такой и есть. Вселившийся в ближнего родственника. Хорошо начнут святой водой брызгать под молитвы. От такого обращения явно не испарюсь. Хуже, если на костер отправят. Вроде не имелось инквизиции на Руси или имелась?

Что-то я смутно помню про сожженных еретиков. Или то самосожжения были? Пошто нам не давали историю России в Швейцарии? А про школьный учебник до отъезда и вспомнить стыдно. То есть ничего в голове нет. Ну абсолютно. Гады учителя! Вернусь — всех убью!

Россия или Русь? Вот главный вопрос. Какой нонче век на улице? Я точно не на скифском или чукотском объяснялся. Есть, конечно, разница, но можно списать на диалект, если бы не эта обстановка. Год, какой сейчас год? Важнейшее дело. Может, просто выдумал себе глупости, а здешний народец какие сектанты, из мечтающих ближе к земле и естественно существовать на подножном корму, без промышленности и химии.

Как я сюда попал, выскочив за дверь и осматриваясь, опять попытался вспомнить. Ничего нет в памяти. Господибожемой, что я тебе плохого сделал? Ну не верил раньше в тебя и не молился — так это же по глупости. А сейчас очень даже верю. Готов на алтарь положить жертву... Э... кажется, не из той оперы, испугался, рысцей устремляясь в сторону нужного мне сооружения в углу двора.

Кстати, не мешает проверить на себе результат действия святой воды. Хуже точно не будет. Где ее берут? В церкви. Но как делают? Можно ли получить свободно или платить положено? Ладно. Это потом. Сейчас важнее облегчиться и по-маленькому, и по-большому.

У, класс. Истинное удовольствие. Все же не глюки какие. В них всякое случается, но чтобы первым делом мчаться по нужде — такого мне не рассказывали. Уф. Я поднялся и замер в ступоре. А бумаги-то нет! Что делать? Не ходить же так! Удовольствие ниже среднего. Снега, что ли, с улицы взять и подмыться на манер арабов?

Никаких мыслей меня не посещало, а рука потянулась наверх, под самую крышу, и извлекла оттуда запиханный в щель странный мягкий комок. После внимательного изучения (помять, отщипнуть, понюхать) я пришел к выводу — это скорее всего мох, и он и есть здешняя замена туалетной бумаги.

Кстати, неизвестно, есть ли вообще в здешних краях бумага. Лет двести назад она была дорогой, а в СССР вообще появилась не раньше шестидесятых. До того газетками подтирались, вырезая лики вождей, чтобы не опоганить. И оставляли на заднице черные следы. Сам, естественно, не видел, рассказывали. А вот кто — убей, не помню. Может, бабушка, может, мама, или вообще в Интернете вычитал.

Стоп, стоп, натягивая штаны и осмысливая происшедшее, задумался. Я же не знал и знать не мог, где искать мох. Рука сама полезла. У меня что, в голове непорядок или все же тело не беспамятное? Где-то там внутри сидит прежний владелец и в любой момент готов взять управление на себя? Меня откровенно стошнило, благо в желудке ничего не было и ног не облевал. Так, спазмы пошли.

Это же жуть. Минимум в любой момент я исчезну, максимум — заполучу в ближайшее время шизофрению. Два сознания в одной башке — это прямой путь к пускающему слюни недоумку. Нет! Такого мне не надо! Верни меня назад, слышишь?!

Стоп, стоп, успокаивая бешено бьющееся сердце, велел сам себе. Будем последовательны. Вчерась я тоже тятю вспоминал, но от этого его сыном не стал. Остаточные явления, вот! Если меня подселили, кто-то там сверху затратил усилия, пусть он хоть инопланетянин или бес, значит, в том присутствует некий неведомый мне смысл. А что получается в результате сумасшедшего? Пустой номер. И к чему затраты?

Логично? Реинкарнация нужна, чтобы довести до конца некую миссию. Я же не в бабаб угодил и не в собаку. В человека. Вот! Проблема одна — никаких инструкций я не получал. Ни письменных, ни мысленных, ни устных. А это что означает? Абсолютно ничего. В любой компьютерной игрушке подсказки и бонусы валяются по дороге. Стоп! А вот это неплохая идея. Настанет время — и все откроется. А мне надо не пороть

горячки и вживаться. Стать своим для любого местного. Приспособиться.

И самое важное, даже если все это компьютерная игра и в любой момент я из нее выйду, здесь все по-настоящему. Боль, голод, мороз и даже посещение туалета. Не помню ни одной книги или фильма, где он был бы задействован. Разве когда очередное убийство происходит.

То есть принимаем окружающую действительность за реальность и живем в ней. На пути локомотива не становлюсь — раздавит. Даже если это дорога назад и нужно умереть для возвращения, где гарантия? Только в крайнем случае можно идти на подобный риск. А вдруг это натурально миссия и я, погибнув, вылечу без перезагрузки?

Будем считать, игры закончились. Начались жесткие будни. В плюсе мой новый внешний вид. Я не только здоровый как лось, о чем всю жизнь мечтал, и с отличным зрением, но еще и на вид симпатичный. Личико, правда, непривычное, но девки таких любят. Это удачно вышло. При его экстерьере и моих мозгах мы сумеем прилично устроиться. Во всяком случае, я попытаюсь.

Что там про наследство вчера всплыло? Судя по обстановке, миллионов у новообретенного тяти не имеется. Это уже хуже. С другой стороны, не раб. На цепи не сидит и кайлом в шахте не машет. Хотя откуда мне знать, может, с утра намылится под землю да меня с собой позовет...

Ой! А мы, часом, не крепостные? И ведь не спросишь, вот досада! Первое правило выживания — рот постарайся держать закрытым и слушай. А то ляпну чего — тут и сойду за колдуна, да примут меры.

Снаружи раздались торопливые шаги, и я поспешно вышел наружу. Меньше всего охота, чтобы застали в задумчивом виде в сортире в застегнутых штанах. Наверняка же покрутят пальцем у виска и поделаются со всей округой.

Это оказался тот самый вчерашний пацан, которого я уже видел в доме. Он несмело улыбнулся, и в голове очень удачно выскочила очередная карточка с бонусом. Ванька, младший брат. Сводный. От второй жены. А та рябая бабища — вообще третья. И как ее зовут, не всплыло. Но тятя мой новый — тот еще орел. Предыдущих уморил и новую себе завел.

Хотя странно все это. Вертится в уме насчет целого выводка детишек, обязательных для подобного хозяйства. Штук десять должно быть от исправно рожающей матки. А тут нас всего двое... Непорядок. Может, я все же туплю и это вполне современные люди? Ну вроде амишей в США? Принципиально от новых веяний отказались. И век у нас двадцать первый. Не могли же все детишки помереть разом?

Посмотрел окрест и мысленно сплюнул. Не бывает так, чтобы вообще никаких следов нормальной цивилизации. И дома сейчас такие не ставят самые продвинутые на возвращении к природе. Видно же, не новый. Бревна уже почернели, но сделано на совесть. До трех саженей в длину, крыша двускатная, стены из толстых лиственничных бревен опираются на каменный фундамент.

По всему окружью дома пущена узорная резьба. Это огромная работа, зато и смотрится празднично. И лестница на крыльцо с узорными балясинами. А по окружности двора, огражденные от чужих забором из крепких плах, а не досчатый, — клеть, скотный сарай, амбар, баня, гумно. Хорошее хозяйство.

— Ты чего? — спросил Ванька, появляясь из сортира и удивившийся на мое стояние столбом.

— Глянь, красота-то какая, — показывая широким жестом на простор за забором, говорю.

— Ага, — подтверждает он с некоторым недоумением. Чего удивительного в том, что видишь каждый день? Ну река, простор и множество деревьев.

А меня опять пробило, аж до холодного пота. Вновь накапало, и чужие мысли. Сажени, клеть, амбар, гумно... Я и слов таких не знаю, а уж отличить кладовку от сарая или лиственницу от дуба не сумел бы и при помощи Интернета. Ко всему еще, я же говорю не как обычно! Не «красота» произнес, а «баско». Польский? Все-таки не Россия? Не может быть, слышал я как-то ляхов, совсем не то.

— И долго вы валандаться собираетесь? — заорал визгливый бабский голос. — Хозяйством пора заниматься.

Что, и не позавтракав? Слава богу, рта раскрывать не стал. Вовремя язык прикусил. Кто их знает, здешние порядки.

— Баню делать будем, цо, забыл?

А это, похоже, в мой адрес.

— Дров наруби, ирод заузный. Вечно мечтает невесть о чем. Ну что смотришь, как телок?

— Да, матушка, — брякнул машинально, чуть не кланаясь. Очень похоже на рефлекторный привет от моего тела.

— Так цо стоишь? Иди, философ!

И все через «о» и цоканье. Нет, я все же языки не зря учил. Русский это, но какой-то странный. На Волге точно окают, но вроде не говорят через «ц».

— Все думаешь о чем-то.

— Да, матушка.

— Работой займись!

Еще бы я знал — какой.

— Забочусь о нем, забочусь...

— Конечно, вы же добра мне желаете.

Она аж задохнулась и попыталась перейти с визга на ультразвук. Еще долго разорялась, но Ванька сунул мне в руку невесть откуда взявшийся топор. Я машинально кивнул и принялся отступать в сторону дров, сваленных у забора. Аккуратная поленница, видать, не для меня. Да, собственно, и без разницы. С таким же успехом мне могли предложить валять валенки. О процессе я имел самое смутное представление, а уж топора в руках не держал сроду.

Ну городской я человек и всяких озимых с яровыми и пшеницы от ржи не отличаю. Черный хлеб вкуснее. На этом мои познания о сельском хозяйстве заканчиваются. Хотя, безусловно, булок на деревьях искать не стану. Особенно зимой. Вон какие кругом суметы. Тьфу! Сугробы.

Для начала я оглянулся и убедился, что за мной никто не наблюдает. Мамаша, то бишь мачеха, ушлендрала в коровник, прихватив с собой в качестве рабочей силы пацана. И то, таскать скотине жратву... э... фураж кто-то должен. Что-то там достаточно громко говорила, но не в мою сторону, — и прислушиваться не стал. Вроде удовлетворившись нашим с братишкой послушанием, слегка успокоилась. Оно и к лучшему. Не хотелось бы наблюдателей.

Я поставил сучковатое полено на колоду и, широко размахнувшись, засадил колун на большую глубину. Полено не желало расколиться, а попутно топор — выходить. Силы у ме-

ня теперь натурально выше крыши, и не получается точно рассчитать. Треснул раз десять, прежде чем полено развалилось на две части. Такими темпами я до будущего года работать буду. Поставил одну из половинок ровно, придерживая рукой, и лишь чудом не отрубил себе пальцев. Выматерился в голос с перепугу и затем попробовал подумать.

Когда я не пытаюсь рассчитать движения, командовать руками и ногами, проблем же не возникает? Нормально хожу, не спотыкаюсь. Значит, нужно отвлечься, а руки пусть сами работают. Я же не думаю, когда передачи в машине переключаю. Бессознательная мышечная память. Пошто не использовать и здесь. Наверняка моему телу данное занятие прекрасно знакомо. Главное — не вмешиваться в управление без нужды.

Вышло не вполне и не сразу, но, когда я действительно перестал обращать внимание на дрова и топор, а задумался о своем, дело пошло.

Итак, маша колуном, продолжил думку с прерванного над дыркой места, мое новое тело имеет несколько иные параметры. Сила, длина ног и рук, вес. Система управления осталась прежней, только личность сменилась. Отсюда и конфликт. Мозг еще не забыл прежних данных и невольно портачит.

Это ерунда. Люди приспособивались к протезам, а я, хвала высшим силам, удачно попал. Немного терпения — и со временем неловкость исчезнет. Я так надеюсь. А пошто иначе должно происходить? Все же не в коту засунули, и не требуется бегать на четырех лапах и пользоваться хвостом. Наверное, мозги и не сообразили бы, как это делать, и видок у меня еще тот был бы. С другой стороны, особенности жестикуляции, характерные жесты и походка. С речью у меня, похоже, все о'кей. Откуда берется только.

Допустим, душа — не абстракция. Она угодила, сейчас не важны причины, в тело данного субъекта и в нем зацепилась. А что такое вообще личность? Сумма всех знаний, впечатлений и памяти. Кажется, ничего человек не забывает, просто, если не требуется, сведения уходят из оперативной памяти в архив. Потом стресс — и нужное всплывает. На экзаменах у многих случается. Ничего оригинального. Нет, не складывается. Я, конечно, все это знаю на уровне «что-то где-то читал»,

но вроде память рассеяна по разным структурам нашего мозга. Целиком не пересадить.

И что? Память есть носитель информации. На носитель информации могут быть записаны самые разные данные. В том числе и от прежнего владельца тела. Буду последователен. Набор общих представлений, знание языка (вместе с его особенностями, акцентом и т. д.) носят местный характер. Сохранились, и это замечательно. Буду надеяться, тело в состоянии не только вести беседу, но более или менее вменяемо реагировать на типовые ситуации.

При этом сознательная память, воспоминания о прошлом и интеллектуальные навыки организм заимствует от меня. Оптимальный вариант, нет? Кто бы ни стоял за всей этой дикой историей, пусть даже мой больной мозг в коме или натурально добрый дедушка на облаке с нимбом, — все очень логично и удобно.

Естественно, если речь идет о некоей цели впереди. Пока неясной, однако будем считать, она реально существует. В конце концов, всегда легче жить, коли веришь в будущее предназначение. Совсем мне не нравится идея до старости пахать землю. Мало того что не умею, так и не греет.

Стоп! Еще на личность не могут не воздействовать процессы в организме. Будь я стариком до попадания в молодого парня — наверняка ждал бы мощный гормональный взрыв. К счастью, мне скоро восемнадцать, ему не больше. Или все же старше? Не похоже. Куда же его душа-то девалась? На один носитель (мозг) две информации (души) не запишешь. Неужели умер в проруби, утонув?

Я машинально перекрестился и с недоумением уставился в очередной раз на собственную, живущую отдельной жизнью руку. Так... Что я сейчас сделал... Ага. Справа налево и тремя пальцами. Не католик и не раскольник. И явно выходит, существую позже Аввакума и боярыни Морозовой. Знать бы еще, когда они изволили родиться и помереть. Шестнадцатый или семнадцатый век? Про вторую особу я картину на репродукции видел. И все, чем известна мне стала...

О! Стенька Разин и Пугачев позже. А когда они восстания поднимали? Пугач при Екатерине, а Разин? Впрочем, Екате-

рина тоже абстракция. Лет жизни не помню, только про коня и фаворитов.

Плохо. Очень плохо. Пошто я не интересовался русской историей? А вообще историей? А чего я умею полезного для времен Стеньки? Да ничего! Ну лошадь оседлаю и поскачу, у нас входило в спортивную подготовку в интернате, — так здесь все наверняка могут. Таким не удивишь.

Допустим, я видел ткацкий станок на картинке. И что дальше? Кроме теории надо убить несколько лет на создание, тратить деньги, которых тятя, без сомнений, не даст, и получить в результате что? Нужен ли он здешним и сейчас?

Я слишком мало знаю, чтобы судить о подобных вещах. Опять же не дергаться раньше времени и вживаться, хотя бы на первых порах, тихо и незаметно. Я же уже решил, чего же боле?

А! Самогонный аппарат, в отличие от ткацкого станка, я соберу без проблемы. Все же русский человек. Требуется медная трубка и закрытый котел. Это находится без проблем даже в Средневековье. Качество будет, конечно, не очень. Стоп, стоп. В России была государственная монополия на винокурение. А когда?

Ничего я не знаю, аж противно и обидно. Откладываем на потом, до выяснения нынешних законов. А то в деревне такого не спрячешь. В момент из зависти заложат начальству. А что положено за нарушение государственных законов? Кнут или клеймо на лоб? Мне такого не надо. Но идея-то хороша! Менделеев со своими сорока градусами уже родился? Если нет, есть приятный шанс угодить в историю, обосновав правильную пропорцию разбавления спирта.

А как, собственно, это можно доказать... Ну, что правильно и замечательно — сорок, а не пятьдесят? Тьфу! И здесь пролет. Ничего толком не знаю. Учебника по химии — и того не создам. Кто его заучивает наизусть? Не я. «Если где-нибудь убавится, то обязательно в другом месте прибавится», — еще доказать требуется. А как? При любых реакциях часть вещества уходит в тепло, например. Измерить его точно — нерешаемая проблема без соответствующих приборов.

Хорошая у меня была раньше жизнь. Требуется нечто — взглянул в Интернет. Починить или сделать — позвонил масте-

ру. Впрочем, с деньгами она везде прекрасна. Надо только разобраться, на чем подняться можно. Ну не герой я и не гений, но учили меня мозгой шурупить и информацию использовать по полной программе. Всегда умудрялся вовремя соскочить, когда ситуация становилась опасной. Не может быть, чтобы не нашлось, куда идеи из будущего приложить.

Стоп! Откуда во мне эта уверенность насчет прошлого? Никаких реальных доказательств не наблюдал. Пока не видел. Но, собственно, уже не сомневаюсь. Может, лезет нечто от прежнего хозяина тела, малозаметное? Что такое подсознание, я представляю себе достаточно смутно. Тем более где оно расположено. Допустим, не инопланетяне мне карточки с ответами подсовывают, а остатки прежнего разума. Ой неприятно! Опять раздвоением личности и дурдомом запахло.

Похоже, моя теория насчет внедрения информационного носителя в мозги нуждается в поправке. Голосов я не слышу, так? Ни потусторонних, ни ехидных. Но подсказки-то идут. Как само собой разумеющееся. Вывод... вывод... Для начала считать это естественным и не заикливаться на плохом. Тем более что когда достанет, лично мне сделается уже без разницы. Психу все и так ништяк, он просто не имеет чем задумываться. В основном у окружающих проблемы. Короче, отмечаю эти гнусные мысли. Я всегда был оптимистом. Выкручусь.

Дальше... Затем важно помнить, что гарантии на очередное чудо с подробным изложением обстановки не существует. Прородичей и кто кем приходится, я сообразил с заметным опозданием. Значит, надо рассчитывать в первую очередь на себя, а не на умников с небес. Кстати, будь это компьютерная игра или глюки — наверняка появился бы седобородый волшебник и все объяснил в подробностях. Так что, похоже, я реально попал и исходить надо именно из данной аксиомы.

Проблему пока вижу одну. Не знаю, насколько она серьезна и существует ли, но ведь напрашивается. Мое сознание и его подсознательные реакции со временем сольются. Я уже не стану изображать Штирлица, живущего под маской. Я им фактически и сделаюсь. Истинным арийцем, думающим на немецком и автоматически зигующим при виде фюрера.

В принципе это же к лучшему. Поведение придет в норму, а что я слегка модернизируюсь — так это и без того с каждым

происходит. Человек, переехав в другое место, приспосабливается к чужой жизни. Даже в своей стране огромная разница между мегаполисом и городком где-то в занюханной дыре. В Швейцарии я же прижился и сумел стать своим? А там тоже было очень непросто первоначально. И я давно не тот бабушкин мальчик ни по воспитанию, ни по поведению. И мозги у меня явно не те и не так думают, как в детстве. То есть реально уже один раз модернизировался. Ну придется измениться опять. Нормальное дело.

Э... да я и не заметил, как дров нарубил на полвагона. Пора аккуратно сложить возле бани. В конце концов, для себя стараюсь. Попариться совсем недурно. Душа с ванной в ближайшей окрестности не наблюдается.

Глава 3 РОССИЯ БЕЗ ПЕТРА

Оказывается, у меня имеется имущество, обрадовался, пикируя на сундук. Как сразу не сообразил. Все же я тормоз, решил, изучая обитый железными полосами и нарядно смотрящийся предмет. Откуда-то в голове сидело, что хранить положено в таких круглых кадучках, очень удобных на случай пожара или еще какого бедствия. Свалил набок — и выкатывай на манер бочки. А то на плечо поднимать и тащить чудовище вроде моего — пупок развяжется.

Мои это воспоминания или подсознание в очередной раз старается — так и не уяснил и решил относиться ко всему с практической точки зрения. Мало ли что положено. Воровать и обманывать тоже не принято открыто. Главное, что есть. Замка, промежду прочим, не имеется, хотя дужки в наличии. То ли не принято здесь от своих запирать, то ли молод ишо от родных прятать нечто.

Ну порнухи здесь не дожدهшься, да вряд ли кто додумается держать на виду у всех в открытом ящике. Живем даже не как в общаге, а совершенно открыто. Одна большая комната с лавками. На них спим, едим да сидим. И ни шкафчика, ни еще чего отдельного. Все общее. Не зря так обрадовался личному предмету.

Поднял крышку и нетерпеливо сорвал холстину, закрывающую богатства. И ведь ничуть не ошибся! То, что лежало с самого верха, для меня в данный момент дороже безлимитной кредитки. Платежная система здесь пока не приспособлена под кассовые аппараты, и пользы от нее ноль. А это... Супер! Реципиент был, видать, не дурак, принял как версию. Это удачно. Самые натуральные печатные книги. А это еще одна подсказка. Так, «Псалтырь» Симеона Полоцкого мне сейчас не требуется. Молитвы скоро услышу и без него.

Полоцк — это где? В Беларуси? Она вроде одно время была отдельным государством. Или нет? Украина точно к Польше относилась, а эти куда? С кем-то Иван Терибл¹ воевал. Еще в проруби пленных утопил. Или то про Новгород? А чего он с собственным государством резался? Может, потому и запретили Эйзенштейну снимать про него фильм? Непатриотично типа. Не помню, совсем в истории ничего не помню. Никогда чушь про прошлых царей и их достижения не волновала. Было и прошло.

А вот это гораздо занимательнее. «Грамматика» Мелетия Смотрицкого. Кто им придумывает эти дикие имена? Невольно начинаешь искать не то поляков, не то еще каких странных людей. Тем более «кий». Осторожно открыл ветхий, чуть не до дыр истертый томик — и проверил сначала сзади, затем спереди. На любой книге должны быть выходные данные.

Есть! Москва. А это значит, что я действительно в России, и разница в языке от времени. Мелочь. Выучим. Теперь уточнить год на дворе — и от него отталкиваться. Когда Peter The Great, то есть Петр Великий, дал дуба, совершенно не помню, но где-то в начале века. Надо выяснить. А то вдруг удастся протыриться поближе. Он образованных и знающих иностранные языки любил.

Так. «Арифметика, сиречь наука числительная, с разных диалектов на словенский язык переведенная, и воедино собрана, и на две книги разделена». Обалдеть названьице. И пошто словенский, а не русский? Я цо, в Югославии? Ну вот, очередной облом. Если я про московских царей смутно помню, там

¹ Иван Грозный, если не принимать во внимание, что слово *terrible* не совсем подходящее: скорее — внушающий ужас, страшный (*фр.*).

вообще австрияки сидели. Или турки? И язык невразумительный.

«Чему учат сии четыре части? — Орфография учит право писати и гласом в речениих прямо ударяти. Этимология учит речения в своя им части точие возносити. Синтаксис учит словеса сложие сочиняти. Просодия учит метром ли мерою количества стихи слагати».

Нет, ну какие словенцы? Они возле Италии, и там тепло. А это просто язык изменился. Все же без особых усилий доходит.

Уф. Ладно, выясним со временем. Вторая книга. Издания «...в лето от Сотворения мира 7211, от рождества же по плоти Бога слова 1703, индикта 11 месяца ианнуария». Ну это почти рядом с предыдущей. Разлет немал, но, судя по виду, ее тоже напечатали не вчера. Как бы Петруха коньки не отбросил до моего появления. Ну как всегда. Размечтаешься — и ничего не получишь. Исключительно по башке и больно. Реалистом, Миха, надо быть.

Хотелось бы выяснить тираж. То вещь крайне интересная. Чем выше, тем больше учеников и грамотеев имеется. Теоретически я и раньше знал, большинству эти сложности ни к чему. Даже барину не каждому. У него управляющий всякие глупости про правильное вычисление участков изучает. Площадь треугольника и прочее. Узок наш круг образованных людей. Ерунда с твердым знаком на конце. Смысл достаточно понятен. По-любому я уже кадр полезный. В чиновники можно попробовать пролезть. А там всегда место жирное.

О! Еще книга. «Вертоград многоцветный». Господибожемой, ветроград — это что? То есть Вертоград, извини господи, ошибся? Опять не будет сообщения? А как я миссию, мне неизвестную, выполняю? Квест без причины — признак дурачины.

— Нет, ты глянь, Василий Дорофеевич, — завопила в очередной раз сквалыжная баба, вызывая стойкое желание двинуть ей между глаз. — Он и не думает собираться. Опять за книжки свои мерзостные ухватился. Эдак мы в церковь опоздаем.

— Наука вещь нужная, — солидно заявил тятя, бросив на меня насмешливый взгляд. — Без грамоты и арихметики рази

же дела вести можно? Ведь руку прикладывает за кормщиков, — а вот сейчас в голосе прозвучала гордость, — с малолетства в бумагах. Вместо подрядчиков Алексея Аверкиева сына Старопоповых да Григорья сына Иконникова по их велению бумаги писал.

Как можно управлять кораблем — и притом не уметь писать и считать, — тайна для меня велика. Навигация — дело сложное, а спутников и эхолотов еще не изобрели. Неужто наизусть знают любой берег в море? Течения и камни? Уважаю, коли так. А вот писать за них сейчас я бы поостерегся.

— Я уже, — бормочу без особой радости, откладывая книги и принимаясь за поиск парадных одежд в глубинах моего личного чемодана по прозвищу «сундук».

Тут деваться некуда. Не скажешь же «пофиг мне ваши праздники, лучше дайте изучить собственные вещи». Выделяться нельзя. Вот что я точно помню — попы доносили о злоумышлении на государя-императора и посещении служб. Уклоняешься — подозрительно. А не склоняешься ли к раскольникам? Здесь, на Севере, их изрядно попадается. И самосожжения случались.

Ага! Все же я на родине! Пошла подсказка. Про беспоповцев у бывшего тела какие-то смутные воспоминания имелись. Иначе откуда бы я знал, что именно к ним хаживал, и за то отец драл, а затем объяснил про надзор?

Упс, выходит, я тот еще перец. Сомнительный в этом отношении, и в церковь переться обязательно. Это Михайло мог чего душеспасительного искать и по скитам с подозрительными людьми шляться — мне нельзя. Влипну на раз-два. Я одних от других не отличу, а держаться лучше официальных властей. Пока, во всяком случае.

Мы выступали по улице сплоченным строем. Впереди тятя с мачехой, за ними — мы с Ванькой. Все в новье, и, видимо, не дешевом. Даже не видная под верхней одеждой рубаха шелковая да красная. И то, выходной в деревне все равно что праздник. Себя показать, на других посмотреть. А собираются, естественно, у церкви. Где еще обновку продемонстрировать завидущим соседским зенкам? И платки цветастые на шеях у мужиков! Кокетливо повязанные у каждого. Богема натуральная.

Что всерьез доставало — так это наличие на шапках очень длинных ушей. Ну ладно, в телогрейках крестьяне ходить принялись при советской власти, но шапка-ушанка как бы не от степного малахая пошла и должна присутствовать. Ничуть не похож данный фасон на мои старые впечатления о деревне из ящика.

Каждый раз нечто сбивает и заставляет сумлеваться о месте и веке. Зато успокаивает насчет глюков. Сроду мне ничего так подробно и вопреки знаниям не приходило. И даже под балдой никаких розовых слонов не видел. Нет, не верю. Аксиома есть аксиома и в доказательствах не нуждается. Я неизвестным способом угодил в прошлое. Будем считать, навсегда.

А так все путем. В животе присутствовала приятная тяжесть. Хлеб ржаной, соленая рыба и кислое молоко в бытность мою в Швейцарии считались полезными, экологически чистыми продуктами. Помимо соли, никаких консервантов и пищевых добавок. Так что едал и раньше. Правда, не в таких количествах.

Желудок мой нынче вмещал заметно больше, но никто не пытался ограничивать, отнимая ложку и последнюю сухую корочку. Похоже, мы не особо бедствуем. Или крестьяне питались много лучше моих мутных представлений о прошлом. Ну на фоне остального ничего удивительного.

Дома смотрятся чистенько и приветливо. Никаких покосившихся изб и явной нищеты с проваленными крышами. Окна, как и у нас, узкие и маленькие, но это чтобы холоду не напускать, и закрыты слюдяными пластинами. Так я и не узнал, что такое бычий пузырь, коим в деревнях якобы пользовались вместо стекол. Откуда вообще у коров какие-то пузыри? Они же не рыбы!

Увидел я почти у каждого дома и чуть не целые пирамиды небольших бочонков. Всякий домохозяин готовит эти бочонки, а потом рыба идет на продажу. В ней, как оказалось, я разбирался изумительно. Предпочитаю треску и палтуса да семгу с сельдью. А употреблять приходилось ряпусов, плотву или сорог, хариусов, кумжу (крупную желтоватую форель), ершей, сигов, окуней, язей, штук и менекон. Именно так — не щук и налимов. Опять какие-то извивы языка, благо я и без того понял. И вкус ощутил. Ну форель или селедку пробовать до-

водилось, а про остальных все больше слышал. А окуня еще в магазине продавали. Оказывается, запросто в них разбираюсь. В рыбах.

Смутно знакомый мужик подошел и, почтительно поздоровавшись с тятьей, солидно поблагодарил меня за спасение сына. Еще и с поклоном. Я аж застеснялся, задним числом догадавшись, что имею дело с папашей того самого Мосея. Вовсе не Моисея. Хотя вроде одно и то же, но говорят иначе.

Пробурчал нечто вроде «на моем месте так поступил бы каждый», заработал дружескую улыбку из гуши бороды и внимательно прислушался к степенной беседе взрослых. Нет, виды на урожай и погода меня не особо волновали. Главное я поймал по ходу — не зря уши насторожил. Мачеху звали Ирина Семеновна, а мужика Фома Шубный. Ну не спросишь же такое даже у Ваньки! А подсказка в очередной раз не помогает. Лениво мое подсознание до безобразия. Хочет — работает, не желает — молчит.

Зима начиналась вяло: по целым суткам валили крупные хлопья снега, но все это, не скрепляемое достаточно крепкими морозами, ложилось на плохо промерзшую землю рыхлою, глубокою, в рост человека, массу. Дороги не устанавливались долго. Как-то это влияло на стоимость рыбы и наши семейные доходы, но тут уж вслушиваться не стал. Впереди появилась церковь. Вид у нее откровенно странный. Недоделанная. Купол отсутствует вместе с крестом, по бокам строительные леса.

Я невольно почесал в затылке, недоумевая. Разве можно молиться в таком месте? В очередной раз чего-то не понимаю. Плохо быть засланцем без подготовки.

— Во как сгорела, — сказал Василий Дорозеевич Шубину, — я шешнадцать рублей на постройку дал.

— Ну кто сколько на богоугодное дело может, — ответил тот.

Явно меньшей суммой обошелся и не хочет углубляться.

— А архиепископ Варнава — два рублевика! — возмутился тятя. — Совести у него нет.

— Ты бы потише, — промолвила озабоченно мачеха, — Василий Дорозеевич.

— Рази не правду кажу? — окрысился тот. — Лжи не приемлю!

Тут ко мне подлетел старый знакомый. Тот самый парень, помогший у полыньи. Как всегда, в нужный момент подсознание таинственно промолчало. Не понимаю, по какому принципу оно работает. Уж деревенских я обязан знать любого. Не так и много народу, и все постоянно встречаются чуть не с колыбели.

Одно хорошо — все же не компьютерная игра. С гарантией. Тогда я бы про каждого справку подробную имел. Или не имел про всех. А выборочно — это программеров гнать надо поганой тряпкой.

Логично предположить, что реакция идет на некие памятные вещи, события и людей. На самые плохие или хорошие. Вот точно теперь знаю, где его мать похоронена. В смысле моя, не парня. Но прежнего. Тьфу. Опять путаться начинаю, господибожемой. Я — это я! Моя мать! Про муттер стоит забыть. Не совсем, конечно, но засунуть воспоминания куда поглубже, чтобы не сболтнуть лишнего в разговоре.

Но все же не узнавать собственно друга, а он явно себя таковым считает, — перебор. Он безразличен? К счастью, тот не стал кричать: «Здорово, Мишка», — вынуждая мычать ответно его имя или срочно искать выход из неловкого положения. Он-то никаких сомнений при виде приятеля не испытывал.

— Вечером пойдем к Ирине на посиделки, — прошептал «театральным» голосом. Ну это когда вроде бы шепотом и на уху, а реально все имеющие уши в округе в курсе.

— Ага, — подтверждаю максимально радостным тоном.

На тебе, очередная проблема. Куда и зачем — представления не имею. А отказываться нельзя. Явно же не поймут. Вон и тятя через плечо явственно подмигнул. Пошто, собственно, бабушка не пичкала меня деревенскими рассказами из классики? Может, легче было бы...

— В церковь пора, — поджимая губы, ханжеским тоном перековавшейся на днях алкоголички возвестила мачеха. — Не задерживайся, сынок.

Я с запозданием догадался, что это очередное издевательство в мой адрес. Не хочет позволить пообщаться с приятелями. Все здешние парни и девчата собираются кучками и треплют-

ся. А меня оттирают от коллектива. Наверное, раньше это здорово бесило, но мне в самый раз. О чем с ними говорить — не представляю. Вот и выходит, со зла делает добро.

— Заскочи за мной вечер, — говорю знакомцу, автоматически окая, выразительно кивая на нее и показательно кривясь.

Он понимающе хмыкнул и, дружески хлопнув меня по плечу, отвалил в сторону. Первый экзамен сдан. Ничего ужасного в приятеле не обнаружено. Ко всему еще к той самой Ирине меня проводят. Положительно Штирлицем быть сложно, но бывает много хуже.

Внутри оказалось миленько и несколько убого. Бывал я в Мюнстере, и в Гроссмюнстере, и Фраумюнстере на экскурсиях. Ну про размеры глупо сравнивать, все же города и денег вложили не шешнадцать рублей, но даже при всей протестантской методике избегать излишеств смотрится иначе. С другой стороны, мы находимся в пристройке, сам-то храм еще не закончен. Места мало, и вряд ли кто очень горит желанием украшать полностью неготовое место. А здесь поналепили кучу икон, и, похоже, без всякого порядка.

Ну точно, сообразил, проходя мимо хвостиком за старшими родичами. У разных останавливаются. Большинство пропускают. Эти — наши, те — чужие. Так и есть. Или семейные, или чем-то для нас замечательные.

Эк, как у меня рука машинально дернулась на этого хмурого дядьку. Архистратиг Михаил. Я, правда, не в честь него назван. Крещен по Михаилу Малеину от 12 июля. Без разницы в принципе. Оба Михаилы.

Мало того, корабль наш хучь числят «Чайкой», правильное название — «Святой архангел Михаил». Ладное двухмачтовое судно грузоподъемностью 5400 пудов, длиной 51, шириной 17, осадкой 8 футов; вспомнил параметры — и сразу будто под ногами привычно закачалась палуба. Оказывается, я моряк и рыбак. А что молод — это мелочь. Лет с десяти хожу на ловлю.

Да я и остальных помню! Святитель Николай, великомученик Евстафий Плакида, мученик Трифон, праведный Прокопий Устюжский... Обалдеть. Это я их всех знаю, да еще и могу Жития изложить. О... и этих. Преподобные Пафнутий Боровский и Варлаам Керетский. И все до одного имеют отношение к рыбакам и охотникам. Типа покровители. Зачем столько?

Да ладно, переваривая очередное откровение, отмахнулся мысленно. Жалко, что ли, свечку поставить. Интереснее другое. Ходим мы по Двине и в море. Не в курсе я, где Двина, но точно не на юге. Там у нас Волга с Доном. Это получается, где-то на Крайнем Севере проживаю. Ну ведь почти попал, так? Молодец, Мишка. Не дурак. Все же и без правильных знаний можно многое вычислить. Скорее всего, и с временем не ошибаюсь.

И еще одно. Все лето и вообще теплое время мы проводим в морских плаваниях. А когда же землю пахать? Кто, собственно, работает в поле? Нешто батраки? Ничего не помню, но без наемных работников никак не выходит. Мачеха и с Ванькой не справится прокормить четверых с поля да скотине заготовить корм.

Люди разговаривали, переглядывались и шушукались. Ну естественно в клуб на представление заявились. Шас артисты выскочат. О! А вот и они. А что, бацище у попа не хуже шалыпинского. Я лично певца не слышал, но говорят, от его тональности стаканы лопались. А этот и без микрофона может выступать в концертном зале. Ух, голосище. Ишь, дает.

— «Благоденственное и мирное житие, здравие и спасение и во благое поспешение, на враги же победу и одоление подаждь, Господи, благочестивейшим, тишайшим, самодержавнейшим, от Тебе избранным, возлюбленным, венчанным и поставленным, почтенным и превознесенным», — выводил поп.

Стоп, стоп! А это у нас то, что надо, пошло! Прямо по заказу!

— «...И Тобою соблюдаемым Господарем нашим, Царем и Великим князем Петру Алексеевичу, всея Великия и Малыя и Белья России, московским, киевским, владимирским, новгородским, казанским и астраханским, сибирским, смоленским и черниговским и многих государств самодержцем и обладателем, и сохрани их на многа лета».

Есть! Петр Первый на троне! 1720-й какой-то. Не позже.

— «...Благородным царевнам его Елизавете, Наталье...»

Я едва успел поймать отвалившуюся челюсть. Ну не знаток я истории, но сестра у Петра одна, и звали ее Софья. Еще стрельцкий бунт в ее поддержку случился, и сослали в монастырь.

Это же вещи элементарные. Еще какой-то фильм был. Не то «Россия молодая», не то «Петр юный». Откуда остальные взялись? Господибожемой, куда я угодил?

Еле дотерпел до конца службы, почти не воспринимая молитвы и машинально крестясь в нужных местах. Слава богу, мое тело прекрасно помнит, когда нужно. Само мелочью занимается. А я чем дальше, тем лучше с ним сосуществую.

— Тятя, — говорю снаружи, дождавшись, пока он слегка отойдет от чужих мужиков, — а пошто Елизавета, Наталья? — тут делаю паузу, позволяя вставить веское слово.

Если я дурак, то можно списать все на путаницу, типа почему-то принял Наталью за старшую. Главное — уточнить. Мочи моей нет больше в эти гадания играть.

— Так Анна же померла в прошлом годе, — повергая меня в окончательное недоумение, умно поясняет.

Все. Я спекся. Еще и Анна существовала.

— Не везло Петру Лексеичу с детьми, — сказал тятя с оттенком грусти. Похоже, я прав насчет собственных братьев и сестер. Могло бы и больше быть. — Все помирали и помирали. Одна Елизавета из дочерей и осталась. И то... — Он оглянулся через плечо.

— Байстрючка, — внятно объяснила мачеха.

Это вне брака, что ли? Не от жены? А от кого? Император Петр Первый гулял напрадую? Что-то я такое слышал, будто он по мужской части тоже отметился. Вроде фильм сняли, но я как-то не очень этим современным режиссерам доверяю. Хотя какие они мне нынче современные...

— А Наталья?

— Внучка. От сына Алексея и немки какой-то. Как нынешний амператор. Родная сестра.

Ага! Выходит, это не тот Петр, а внук его. Второй, стало быть. Алексея, помнится, родной папаша посохом прибил. А внука в наследники. Широкая душа. Чисто по-русски. Я бы на месте второго дедушкины памятники поломал. Уж на что папаша далек, но все же родня. Что значит своего сдавать или убивать? Хуже ничего не бывает. Или это Иван учинил? Какая разница. Оба хороши. Чем-то прибили — и не осталось детей мужского пола.

— Шарлотта Бранхшвейг, — тятя замялся и пожал плечами, — пес ее, в общем, произнесет. Что-то такое.

— Своих будто мало, — кинула реплику мачеха. — Лопухины ему не угодили.

— Цыц! Не наше то дело. Царское.

Значит, все пока правильно. Что любопытно, ни про какого Петра Алексеевича Второго я не подозревал до сего мгновения. Вывод? Все же это реальность. Сначала Петр, потом Екатерина, его жена. Потом Екатерина Вторая, немка, убившая мужа, и фаворит Потемкин. Еще потемкинские деревни и присоединение Крыма.

Стоп, стоп! Мужа! Вот, наверное, он и был Петр Второй. Посему и имя не гремело. На фоне Великой потерялось. А за что она его? Да не суть важно! Главное — грохнула и сама править принялась. Нормальное дело, власть не поделили и бабки. Когда убийство, полиция первым делом ближайших родственников проверяет. Ничего не изменилось.

— Спасибо, тятя, за науку, — с поклоном говорю. Вежливость дело полезное, ишь как напыжился. Любому приятно, когда его чествуют.

— Был у нас Петр Лексеич в давние времена, — говорит гордо. — Вон там, — жест рукой, — стояла лодья с горшками и прочими глиняными изделиями. Так он умудрился упасть со сходней — и прямо на товар. На сорок шесть алтын изничтожил!

Василий Дорофеевич гулко рассмеялся. Судя по поскучневшей роже Ваньки и отсутствующему выражению лица мачехи, они это слышали далеко не в первый раз. Наверное, и я мимо данного происшествия из его уст не проходил. Только сейчас натурально впервые слышу.

— Все переколотил. Он здоровый, как оглобля! Но щедр был! Червонец дал за товар!

Бзинь, сказала очередная подсказка, неожиданно выскочившая из дальних закоулков подсознания. Червонец Петра от 1701 года — отнюдь не десять рублей. Всего два. А в хорошую путину мы домой привозили полтораста рублей. Правда, часть на корабль тратить приходилось. Оснастка, починка, однако все же мы не подлые, то есть не бедные, люди. Де-

сять — это месячный оклад подьячего. Совсем не мало за сезон выходит.

— Царь, сам понимаешь!

Я кивнул, сохраняя внешне всю возможную почтительность. Широкая душа, аж полтину с мелочью сверху накинул. 46 алтын — это рупь и 38 копеек, так еще небось по себестоимости. А мог бы и бритвой по горлу...

Дальше уже неинтересно. Год в другой раз пробью. Да и какая разница. Все равно никаких грядущих событий не помню, на слух играть придется, без нот. Плюс или минус десяток — роли не играет. Крестьяне жили с каменного века до девятнадцатого абсолютно одинаково. Прогресс — это уже начало двадцатого. Нет, зависать здесь нельзя. Так и буду до смерти рыбу ловить и землю пахать. В город хочу. И карьеру делать. Думать. Очень хорошо думать и искать шанс.

Глава 4 ИРИНЬЯ

Посиделка оказалась вечеринкой. В деревенском стиле. Все парни с девчонками старше определенного возраста и неженатые да незамужние собираются в избе на нормальную такую гулянку. Ну, в церкви, понятно, обжималки не приняты, потому встречаются обычно у вдовы или солдатки. Иринья такой и оказалась. А жили, видать, неплохо, хоть и детей не наблюдается. По полкам расставлена добротная медная, до блеска начищенная посуда. Старинные иконы в большом углу стоят, обложенные серебром.

Наверное, и в сундуках чего имеется, да ведь не бесконечно добро. Нового не наживешь, старое спустишь. Не просто так согласилась пустить.

В очередной раз я без понятия, что случилось с ее мужем, однако не особо и интересно. Сгинул на путине али помер от болезни.

Такое бывает частенько. Иной раз целые артели на лодьях пропадают. То ли шторм сгубил, то ли еще что случилось. Поэтому кресты, срубленные из бревен, попадают достаточно часто. И всегда они ориентированы строго по сторонам света.

Я проверил. Молящийся становится лицом к надписи четко на восток, а концы креста направлены на север и юг.

На самом деле это не особо и важно. Меня больше занимала сама Ирина. На вид не больше двадцати пяти, скорее всего, меньше. Тяжелая жизнь мало располагает к цветущему виду. Здесь фитнес-центров пока не завезли, а про врача или пенсию даже не подозревают. Не зря стареют рано и детишек регулярно хоронят. С другой стороны, кто выжил — кровь с молоком. Сильные, красивые — и никаких аллергий или депрессий. Это все осталось позади, в прошлом. То есть в будущем.

Не суть важно. Меня гораздо больше волнует не генетическая экспертиза, а совсем иные вещи. Лоб высокий, с широкими, красиво изогнутыми бровями. Тут еще не додумались до глупого обычая выщипывания. И смотрится роскошно, как и огромные серые глаза. В ушах сережки с зелеными камешками, а шея длинная и так и просится на ласку. К сожалению, это практически все, что можно рассмотреть. Разве прядка, выбившаяся из-под платка, цвета мокрого песка. А ног и тела не видно. Увы мне, мини-платьев и декольте еще не изобрели.

Местные девицы одевались пестро и пышно. По некоторым признакам — а я отнюдь не специалист по древним сарафанам, — кое у кого платья как бы не от бабушек с прабабушками. Алые, золотые, голубые цвета. Не уверен в правильности, но откуда-то вылезло слово «парча». Я никогда ее не видел, как и кримплена, но вот такое ощущение. Может, опять подсознание доводит до сведения. У всех шелковые платки, но у девушек еще косы снаружи. Толстые, аж ниже пояса почти у всех, так и просятся в руки, и по ним лента пущена.

Они появляются первыми — кстати, как время определяют, я так пока и не разобрался. Не по солнцу же, не умею. На улице его давно и нет, и как без часов срок правильно вычислить, пока не сообразил. Наверняка бы пришел раньше или позже, не схитри удачно.

Парни должны по здешнему этикету появляться во вторую очередь, с гостинцами. Приносят выпивку, закуску, пряники и всякое разное. Я так понимаю, часть на угощение, а иное хозяйке в оплату. Раз уж пустила, отблагодарить требуется. Ну,

нам проще. Ориентируемся на гомон и песни. Издалека слышно. Не удивлюсь, что для того и орут. Ну натурально, звучит на манер плача, да с намеком:

Гуляйте теперя,
Навалится муж негодный,
Будет измываться... —

А дальше еще лучше:

Я тебя любила,
Чтобы батюшка не знал.

Типа поймает — убьет. Еще и не такое бывает.

В принципе я тоже так могу: «Жену мужнюю любить — надо много золота иметь».

Натурально не зря исполняют. Тут главное — горячку не пороть. Присмотреться к поведению. Как бы это ни называлось, ничем от другого века не отличается. Выкобениться по-красивше перед другим полом да себя показать.

Как выпили слегонька, натурально самогон паршивый, но по мозгам дает, так еще откровеннее пошло:

Мой муж черноус,
я его не боюсь,
да я милого приголублю,
на-а сеновал провожу.

Иной раз такое пропоют — я вроде не особо стеснительный, но дико слышать. Может, это и есть частушки? В деревне в прежнем виде не появлялся, и слышать не приходилось. Мне не проблема, прямо на ходу способен сочинить:

Птенчик выпал из гнезда —
Все, теперь ему кранты...

Или не хуже:

Кошка бросила котят,
Выживают как хотят.

Не, я лучше промолчу. Портить здешний народ мне явно миссия не дана. Улучшать нравы, впрочем, тоже. Не мне становиться в позу добродетельного батюшки.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН	5
Часть вторая. АКАДЕМИК	158